

Петровские навигаторы в странах Западной Европы: описание образовательной поездки в дневниках и мемуарах российских дворян

М. М. Нижинская

аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории
Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: Nijinka@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена образовательным поездкам российских дворян в страны Западной Европы в период правления Петра I. Для реализации петровских реформ, затронувших все сферы общественной жизни российского государства, требовалось большое количество специалистов в разных областях знания. Одним из решений кадрового дефицита стала отправка российских подданных в страны Западной Европы для получения необходимых знаний и навыков.

Российское правительство отправляло за границу для обучения представителей разных сословий. В рамках данной статьи уделено внимание российским дворянам, получившим в Европе образование в области военно-морского искусства. В официальных и частных документах петровской эпохи дворян, отправленных в Европу изучать морские науки, именовали «навигаторами». В статье на основе сохранившихся путевых записок, дневников и воспоминаний петровских навигаторов рассматривается, как российские дворяне оценивали свое пребывание за границей, какое впечатление произвела на них Западная Европа, что вызывало их интерес, что из увиденного запомнилось, какие европейские города они посещали и с кем предпочитали общаться. Уделяется внимание финансовым трудностям, с которыми сталкивались дворяне. Отмечается отсутствие личных суждений в используемых исторических источниках и их описательный характер. В обобщении говорится, что, несмотря на вынужденный для большинства российских дворян характер образовательной поездки в Европу, западноевропейская жизнь вызывала у них живой интерес, стремление увидеть больше городов, познакомиться с европейской архитектурой и искусством. Основной целью своей поездки российские дворяне считали получение специализированных знаний, которые в дальнейшем можно применить на службе отечеству.

Ключевые слова: европейская культура, обучение за рубежом, петровская эпоха, путешествие по Европе.

Для реализации петровских реформ, затронувших все сферы общественной жизни российского государства, требовалось большое количество специалистов в разных областях знания. Зарождающаяся система российского образования не справлялась с поставленными перед ней задачами по подготовке необходимых стране квалифицированных кадров, что вынуждало российское правительство искать другие пути решения. Одним из способов решения кадрового дефицита стала отправка российских подданных в страны Западной Европы для получения необходимых знаний и навыков. В результате такой политики обучение за границей российских подданных стало отличительной чертой петровской эпохи.

До Петра I европейские государства посещали преимущественно российские дипломаты и паломники, путешествующие по святым местам. Поездка в Европу воспринималась в российском обществе как факт, выходящий за пределы установленной нормы. В конце XVII – первой четверти XVIII вв. в результате новой образовательной политики в страны Западной Европы были отправлены российские подданные, которые никогда не помышляли о заграничной поездке и, если бы их мнение учитывалось, предпочли бы остаться на родине. Однако отказаться от поездки в Европу, нарушив приказ государя, они не могли. Данное обстоятельство способствовало укреплению в российской историографии мнения, что посылка россиян за границу против их воли вызывала у них чувство внутреннего сопротивления и нежелания приобщаться к чуждой для них европейской культуре. В результате они не вынесли из своей поездки ничего положительного, а единственным побудительным мотивом их обучения было желание угодить царю [9, с. 253].

Чтобы определить, насколько точно данное суждение отражает историческую действительность, необходимо выявить, что думали о своем пребывании в странах Западной Европы

сами российские подданные, ставшие путешественниками поневоле, как они оценивали свою заграничную поездку, какое впечатление произвела на них Западная Европа, что вызывало их интерес, что из увиденного запомнилось, какие европейские города они посещали и с кем предпочитали общаться. Для решения поставленной задачи обратимся к путевым заметкам, дневникам и мемуарам россиян, обучавшихся за границей и оставивших о своей образовательной поездке в Европу воспоминания.

Российское правительство отправляло за границу для обучения представителей разных сословий. В рамках данной статьи будут рассматриваться дневники и воспоминания российских дворян, получивших в Европе образование в области военно-морского искусства. В официальных и частных документах петровской эпохи их называли «навигаторами». В статье для анализа будут использованы следующие источники: дневник дипломата графа П. А. Толстого (1645–1729), автобиография дипломата князя Б. И. Куракина (1676–1727), дневник двоюродного брата Петра I И. Л. Нарышкина (1700–1734), воспоминания дипломата, оренбургского наместника И. И. Неплюева (1693–1773) и адмирала С. И. Мордвинова (1701–1777). Прежде чем приступить к их анализу, дадим краткую характеристику вышеперечисленных источников и их авторов.

По приказу Петра I в 1697 г. для обучения морским наукам в страны Западной Европы (Италию, Голландию, Англию) были направлены 67 представителей наиболее родовитой и знатной части российского дворянства [18, с. 565–567]. Среди них был стольник П. А. Толстой. Во время своей поездки по Европе он вел подробный дневник, который в дальнейшем лег в основу его путевых записок. На сегодняшний день существует несколько изданий путевых записок П. А. Толстого [9, с. 292–293]. Для написания данной статьи было использовано издание 1992 г. «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе» под редакцией С. Н. Травникова и Л. А. Ольшевской [17].

П. А. Толстой происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. Его военная и придворная карьера не отличалась от карьеры большинства российских дворян второй половины XVII в. К 1697 г. П. А. Толстой продвинулся по служебной лестнице довольно далеко и занимал чин стольника. На момент поездки в Европу ему исполнилось 52 года. Ряд российских историков предполагают, что П. А. Толстой отправился за границу по собственному желанию. Например, известный российский историк профессор Н. И. Павленко в своей монографии «Соратники Петра» выдвигает версию о самостоятельном решении П. А. Толстого поехать за границу для обучения [11, с. 177]. Российские филологи Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников не согласны с данным утверждением. В своей статье «Умнейшая голова в России...», посвященной П. А. Толстому, они обращают внимание на тот факт, что по приказу Петра I в 1697 г. учиться в Европу морским наукам поехали стольники всех возрастов: Борису Куракину был 21 год, Владимиру и Василию Шереметевым – 29 и 38, а их брату Борису Петровичу 45 лет. Так что солидный возраст Петра Толстого, по мнению исследователей, не являлся помехой для обучения [9, с. 255]. Отметим, что П. А. Толстой в своих путевых записках не пишет о том, что решение поехать в Европу было его личной инициативой, а также прилагает копию полученного им приказа Петра I об отправке московских стольников за границу [17, с. 5].

Путевые записки П. А. Толстого отличаются детальной точностью описания и энциклопедическими сведениями. П. А. Толстой был в группе российских дворян, направленных для обучения в Италию. В общей сложности его поездка длилась два года (1697–98). В рамках обучения морским наукам П. А. Толстой совершил два непродолжительных плавания в качестве волонтера на итальянских кораблях по Адриатическому морю, получив соответствующие отзывы и аттестаты, копии которых он поместил в своем дневнике [17, с. 240–242]. В путевых записках он подробно описывает итальянские города, которые посетил за время своей поездки: Венецию, Падую, Милан, Бари, Неаполь, Рим, Флоренцию, Болонью. В каждом городе П. А. Толстой посещал соборы и церкви, как православные, так и католические. В путевых записках подробно описаны церковные процессии и богослужения, на которых П. А. Толстой присутствовал лично, знаменитые европейские дворцы и замки, порты, рыночные площади и административные здания. Он посещал органные концерты и театральные постановки, музеи и античные памятники, городские праздники. Однако записки П. А. Толстого имеют описательный характер, его личные впечатления, мысли и чувства по поводу увиденного в явном виде не присутствуют на страницах его дневника.

В этой же группе московских стольников, отправленных в 1697 г. в Европу для изучения

морских наук, находился князь Б. И. Куракин. Впоследствии он описал свою образовательную поездку в Европу в автобиографии, которая была опубликована в 1890 г. российским историком и публицистом М. С. Семеvским под названием «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная» [3, с. 241–287].

Б. И. Куракин происходил из старинного княжеского рода, был женат на Ксении Лопухиной – сестре первой супруги Петра I Евдокии. На момент поездки в Европу ему исполнился 21 год. В Италии Б. И. Куракин прожил полтора года, обучался в венецианской Морской академии и навигационной школе «Наутика» в городе Перасте (современная территория Черногории).

В своей автобиографии образовательной поездке в Европу Б. И. Куракин уделяет мало внимания. Коротко сообщает о посещении итальянских городов Бари, Неаполь и Рим. В Бари Б. И. Куракин посетил базилику Святого Николая, но ни описания самих городов и их достопримечательностей, ни впечатлений от посещения мощей Николая Чудотворца (Николай Мирликийский) в автобиографии нет [3, с. 255]. Подробно Б. И. Куракин останавливается только на предметах, которые он изучал в Морской академии и школе в Перасте, и о денежных затратах на поездку.

В 1708 г. в страны Западной Европы для освоения морских наук была отправлена очередная партия российских дворян [5, с. 20]. В этой группе навигаторов были двоюродные братья Петра I Александр и Иван Нарышкины. Во время поездки младший из братьев, Иван, вел подневные дневниковые записи. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся дневниковые записи начала XVIII в. с описанием заграничной поездки [1]. Российский исследователь русской литературы академик П. П. Пекарский, внимательно изучив данный документ, пришел к выводу, что дневник принадлежит Ивану Нарышкину, а его содержание относится к заграничной образовательной поездке братьев [12, с. 154]. С его выводами была согласна советский историк, специалист по русским рукописям XVI–XVIII вв. Е. Н. Ошанина, опубликовавшая отрывки из этого дневника в журнале «Советский архив» [9, с. 107–108]. На сегодняшний день дневник Ивана Нарышкина полностью не опубликован.

Образовательная поездка братьев длилась с 1708 по 1721 г. [10, с. 106], что выходило за временные рамки стандартного обучения за границей большинства российских дворян. За время своего обучения Нарышкины посетили Лондон, Амстердам и Гаагу, испанский Кадис, французские города Париж, Брест, Лион, итальянские Рим, Неаполь, Турин, Пизу, Ливорно и Флоренцию. В одних городах братья были проездом и надолго не задерживались, а в других, в рамках своего обучения, проживали по несколько месяцев. Например, во французском Бресте Нарышкины провели полтора года [10, с. 106]. Е. Н. Ошанина в своей статье «Дневник русского путешественника» замечает, что такого длительного и обширного путешествия по Европе в тот период не совершил больше никто из петровских навигаторов [10, с. 107].

В начале заграничной поездки Ивану было восемь лет. Записи в сохранившемся дневнике датируются 1714–17 гг. Следовательно, на момент ведения дневника ему было 14–16 лет. Итальянский историк Мария ди Сальво в своей статье «Юный россиянин за границей: дневник И. Нарышкина» обращает внимание, что на момент поездки в Европу Иван Нарышкин был еще ребенком с неустоявшимися культурными привычками, поэтому знакомство с европейской культурой не вызывало отторжения и было естественным процессом [14, с. 27]. Сложно не согласиться с Марией ди Сальво, но стоит добавить, что и взросление Ивана Нарышкина происходило в странах Западной Европы. Это не могло не отложить отпечаток на его восприятие европейской культуры: она не была для него чуждой. Данное обстоятельство стоит учитывать, изучая его дневник.

Дневник состоит из кратких подневных записей. И. Л. Нарышкин не пишет о своих внутренних впечатлениях, а только перечисляет события и описывает увиденное им за день. Мария ди Сальво предполагает, что ведение дневника было чем-то вроде учебного задания, которое юный И. Л. Нарышкин должен был выполнять ежедневно: на это указывают стиль и содержание самих записей [14, с. 27]. Иван Нарышкин пишет о посещении соборов, музеев, театров, балов и светских приемов, описывает погоду, сообщает о визитерах. Дневник содержит подробные списки трат на проживание и проезд.

Следующий представитель российских дворян, оставивший воспоминания о своей образовательной поездке в Европу, – будущий оренбургский наместник И. И. Неплюев. Он входил в группу молодых дворян, выпускников Санкт-Петербургской Морской академии, направленных в 1716 г. в Европу для продолжения своего обучения [5, с. 131–132]. И. И. Не-

плюев был сыном бедного новгородского дворянина. На момент отправки за границу ему исполнилось 23 года. Он входил в группу выпускников Морской академии, отправленных в Италию. Основное место обучения и практики И. И. Неплюева была крепость Корфу на одноименном острове, принадлежавшем Венецианской республике, где он в качестве гардемарина принимал участие в турецко-венецианской войне 1714–18 гг. В Италии он пробыл три года, с 1717 по 1719 гг., после чего был направлен в Испанию в Королевскую Морскую академию, где проучился около года.

На сегодняшний день существует пять изданий воспоминаний И. И. Неплюева. Для написания данной статьи было использовано издание 1998 г. «Записки Ивана Ивановича Неплюева» [8].

В своих воспоминаниях И. И. Неплюев уделяет много внимания образовательной поездке за границу, но основной акцент делает на детальном описании российского и иностранных флотов, отдельных военных судов, маршрутов плавания, фортификационных сооружений, численности и составе военных сил. И. И. Неплюев упоминает о посещении таких городов, как Копенгаген, Амстердам, Гамбург, Берлин, Венеция, Флоренция, Ливорно, Тулон, Марсель. Подробно останавливается на двух инцидентах, случившихся во время пребывания группы российских дворян в Корфу: о побеге и пострижении в монахи Афонского монастыря князя М. А. Прозоровского и убийстве гардемарина В. Ф. Квашнина-Самарина. При этом И. И. Неплюев не пишет о своем отношении к данным событиям, а только констатирует факты.

Несмотря на то, что воспоминания были написаны через много лет после поездки, в них содержатся очень подробные данные о расходах И. И. Неплюева во время проживания в странах Западной Европы и полученных от государства через российских агентов денежных средств, обмундирования и провизии. Все это наводит на мысль, что во время своего обучения И. И. Неплюев вел записную книжку или дневник, которые в дальнейшем использовал при написании воспоминаний.

В этой же группе выпускников Морской академии, отправленных в 1716 г. за границу для обучения морским наукам, находился будущий адмирал С. И. Мордвинов. Он был единственным сыном небогатого новгородского помещика Ивана Тимофеевича, убитого в 1701 г. под Нарвой. На момент поездки за границу ему исполнилось 15 лет. Он был направлен для обучения во Францию в город Брест, где прожил шесть лет.

Незадолго до своей кончины С. И. Мордвинов решил написать воспоминания, которые позже были изданы историком военно-морского флота С. И. Елагиным под названием «Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою» (1868) [6] и российским историком и публицистом В. А. Бильбасовым под названием «Родословие фамилии адмирала Мордвинова» (1901) [7].

Воспоминания С. И. Мордвинова очень сухи по содержанию и скупы на подробности, в них перечисляются события без пояснений или каких-либо комментариев. Издатели С. И. Елагин и В. А. Бильбасов отмечали, что воспоминания С. И. Мордвинова содержат ряд неточностей, временами в них нарушена хронология событий, перепутаны имена и фамилии [6, с. 3]. По словам В. А. Бильбасова, С. И. Мордвинов не имел привычки хранить свои бумаги, поэтому, решив в конце жизни написать воспоминания, он был вынужден обращаться только к своей памяти [7, с. 9].

О событиях, связанных с заграничной поездкой, С. И. Мордвинов пишет очень коротко. Упоминает о посещении европейских городов Копенгаген и Хельсингёр, Амстердам, Травемюнде и Гамбург, Дувр и Сен-Мало, но не оставляет их описание. Никаких подробностей о своем обучении во Франции не сообщает. Единственное, на чем он заострил внимание в своем воспоминании, – финансовый вопрос. С. И. Мордвинов пишет, что выданного ему российским правительством жалования хватило только на полгода, а все остальное время он жил за свой счет. Подтверждение его слов можно найти в письмах, которые посылала во Францию мать С. И. Мордвинова, Авдотья Степановна, опубликованные российским историком П. А. Кротовым. В каждом письме Авдотья Степановна сокрушается, что ее сын живет впроголодь, и сообщает об очередном отправленном ею во Францию векселе [2, с. 107–117]. Никаких оценочных суждений о заграничной поездке в воспоминаниях С. И. Мордвинова нет.

Как можно заметить, авторы вышеописанных дневников и воспоминаний имели разное социальное и финансовое положение, а также сильно отличались по возрасту. Однако все рассмотренные источники имеют одну ярко выраженную особенность – это их описательный характер. Российские дворяне в своих дневниках и воспоминаниях перечисляют увиденное за время своей заграничной поездки с той или иной долей подробностей, но понять, какое это произвело

на них впечатление и как они оценивали свое пребывание за границей, очень сложно. Из-за сухости изложения в записках и воспоминаниях петровских навигаторов создается впечатление, что пребывание в Европе не произвело никакого впечатления и никак не повлияло на них.

Российский историк профессор К. В. Сивков, изучив воспоминания петровских навигаторов, пришел к выводу, что российские дворяне «проходили равнодушными мимо величайших памятников искусства», что они смотрели на мир «широко раскрытыми глазами, но горизонт их зрения был узок». Они мало интересовались бытом и политическими порядками европейских государств, которые посетили [15, с. 7–8]. Отчасти, по мнению К. В. Сивкова, такое равнодушие к другой культуре можно объяснить тем обстоятельством, что российские дворяне оказались в Европе не по своей воле. Настоящим мотивом поездки была не любознательность и стремление увидеть Европу, а желание угодить царю. «И если умом своим они понимали необходимость таких поездок, – пишет К. В. Сивков, – то все чувства их были против них», поэтому у российских дворян и не мог возникнуть интерес к европейской культуре в целом [15, с. 8–9]. Такое же мнение высказывают в своей статье Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников, отмечая, что внутреннее сопротивление и недовольство вынужденной поездкой за границу, а также природная нелюбознательность приводили к тому, что российские дворяне не стремились познавать европейскую культуру [9, с. 253].

Позволим себе не согласиться с высказываниями К. В. Сивкова, Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова. Необходимо учитывать, что на способ выражения личных суждений и чувств всегда накладывается отпечаток эпохи, в которой авторы жили и писали. Нельзя подходить с одинаковыми критериями к людям рубежа XVII–XVIII вв. и, например, к людям, жившим в конце XIX в. Российский исследователь О. В. Сосновцева в своей статье «Источники личного происхождения Петровской эпохи» замечает, что любой исторический источник написан в конкретный временной отрезок, в котором протекали конкретные исторические процессы. Это откладывает отпечаток на способ выражения информации в источнике, поэтому у каждой эпохи свой язык. Норма описывать в дневнике собственные переживания и чувства появилась только в эпоху правления Екатерины II, поэтому присутствие личных суждений авторов в источниках петровской эпохи минимально [16, с. 7]. Обратим внимание, что рассмотренные дневники и воспоминания не имели авторского названия: существующие заглавия были сделаны позже их издателями. Это свидетельствует о том, что для авторов рассмотренных источников личностное начало было неважно. На наш взгляд, отсутствие описания личных впечатлений и мыслей в дневниках и воспоминаниях петровских навигаторов не дает повод утверждать, что российские дворяне не интересовались европейской культурой и даже сторонились ее. Обратимся к источникам.

В дневнике И. Л. Нарышкина упоминаются имена и фамилии других российских дворян, отправленных вместе с братьями для обучения в Европу. Из содержания дневника видно, что они вместе с Нарышкиными посещали городские достопримечательности и музеи [10, с. 106]. Это означает, что не только двоюродные братья Петра I, но и дворяне более низкого социального статуса знакомились с европейской культурой. А часто повторяющиеся в дневнике фразы – «ходили мы смотреть», «пошли смотреть», «ездили мы смотреть некоторых куриозных вещей» – свидетельствуют о том, что группа молодых дворян намеренно посещала определенные места с целью ознакомления с архитектурой или внутренним содержанием церквей, дворцов, парков, музеев и картинных галерей. То есть описанное в дневнике И. Л. Нарышкина было не случайно увиденным во время его поездки по Европе, а специально запланированным для обозрения. После посещения обсерватории в Лионе И. Л. Нарышкин описал в своем дневнике все, что увидел там: макет солнечной системы, природные ископаемые, различные инструменты для химических и физических опытов. Свое описание залов обсерватории он завершил фразой: «Одним словом, будучи кто в Лионе надлежит сию камеру – Observatoir видеть» [2, кн. 2, л. 39; 10, с. 108]. Опираясь на эту фразу, можно предположить, что посещение обсерватории впечатлило юного дворянина. Обратим внимание, что И. Л. Нарышкин описал в своем дневнике не церковную реликвию или «диковинки и уродства в жизни природы», как писал в своей работе К. В. Сивков [15, с. 7], а естественно-научный музей.

Возвращаясь в Россию после завершения своего обучения, С. И. Мордвинов задержался в Голландии. Как он сам пишет в воспоминаниях: «ездил по некоторым знатным городам» [6, с. 23], то есть совершил ознакомительную поездку по стране. Если опираться на письма матери С. И. Мордвинова, он задержался в Голландии из-за отсутствия денег. С. И. Мордвинову пришлось сделать вынужденную остановку, так как он ждал вексель, который ему отправила

мать для оплаты долгов и дальнейшего проезда домой [2, с. 114–116]. Если память не изменила С. И. Мордвинову, и он действительно совершил небольшое путешествие по голландским городам, названия которых он не указал в воспоминании, то получается, что С. И. Мордвинов решил воспользоваться вынужденной задержкой для осмотра достопримечательностей и более близкого знакомства с культурой другой страны. Такое поведение говорит об интересе и желании увидеть что-то новое.

Стоит учитывать, что цель поездки в Европу была узкой – приобрести знания и навыки в области морской науки. Неслучайно Б. И. Куракин в своей автобиографии подробно перечислил предметы, которые он изучил в период своего пребывания за границей. В рассмотренных дневниках и воспоминаниях навигаторы обязательно прилагают копии полученных за границей дипломов и аттестатов. Это показывает, как серьезно они относились к своему обучению.

Российские дворяне тратили свои усилия на приобретение специализированных знаний. Для практического закрепления полученных знаний значительную часть времени они проводили в плавании на кораблях, поэтому на путешествия и наблюдения за европейской жизнью у них не было времени. Именно по этой причине С. И. Мордвинов путешествовал по голландским городам уже после завершения своего образования. Из воспоминаний И. И. Неплюева видно, что путешествие по итальянским и французским городам он совершил во время своего переезда на новое место обучения из Италии в Испанию. В период прохождения практики на острове Корфу и обучения в Морской академии в Кадисе И. И. Неплюев не имел возможность путешествовать по другим городам.

Оценивая стремление петровских навигаторов к знакомству и приобщению к европейской культуре, стоит учитывать тот факт, что российские дворяне, отправленные в Европу, часто были из числа обедневших дворянских родов и отправлялись за границу за счет государства. Из-за неотработанного механизма передачи денежных средств деньги на их проживание поступали нерегулярно и не в достаточном количестве. По этой причине в дневниках и воспоминаниях петровских навигаторов финансовому вопросу уделялось особое внимание. Можно предположить, что российские дворяне, ограниченные в денежных средствах, не могли себе позволить путешествовать по городам, посещать музеи и театры.

Что касается путевых записок П. А. Толстого, то более подробного описания европейской жизни трудно представить. Заметим, что это написал уже немолодой человек, воспитанный в старомосковских традициях. Несмотря на описательный характер путевых заметок П. А. Толстого, личное впечатление автора к тому или иному явлению европейской жизни можно проследить. Например, его высказывание о представителях других наций: «Народ женский в Венецы зело благообразен, и строен, и политичен, ... а к ручному делу не очень охоч, болши заживают в прохладах» [17, с. 53]; «Построена на том источнике (термальный источник у г. Падуа. – М. Н.) мельница каменная, которая мелет всякой хлеб. Смотри разума тех обитателей италиянских: и тое воды, которую на всем свете за диво ставят, даром не потеряли, ища себе во всем прибыли» [17, с. 70]. Здесь явно прослеживается личная оценка автора, и таких небольших замечаний в дневнике П. А. Толстого много.

О. В. Сосновцева в статье «Источники личного происхождения Петровской эпохи» пишет, что русские люди фиксировали в своих путевых записках только то из увиденного, что можно было бы заимствовать и использовать в России [16, с. 7]. Рассуждение П. А. Толстого относительно водяной мельницы в городе Падуа подтверждает данное высказывание: П. А. Толстой предлагает обратить внимание на предприимчивость итальянцев.

Опираясь на записи П. А. Толстого, можно сделать вывод, что он специально ездил осматривать достопримечательности разных городов. П. А. Толстой заранее планировал поездки, что свидетельствует о желании увидеть больше, чем можно было бы во время простого проезда к месту назначения.

Приведенные выше примеры из дневников и воспоминаний петровских навигаторов, на наш взгляд, противоречат часто встречающемуся в российской историографии суждению, что российские дворяне были нелюбопытны и невнимательны к европейской культуре. В подтверждение своих слов приведем высказывание советского литературоведа Н. И. Прокофьева, который не разделял мнение о равнодушии российских дворян к европейской культуре: «Новое в записках петровского времени заключалось в необычайно широком охвате явлений иноземной жизни. Это нельзя объяснить растерянностью сочинителей или их неумением отделить существенное от пустяков. Русских путешественников интересовало буквально все, что они встречали на своем пути» [13, с. 134]. Данное высказывание можно отнести и к петровским навигаторам, ставшим путешественниками поневоле.

Несмотря на интерес к европейской культуре, петровские навигаторы не теряли связь с родиной. Они имели возможность посещать православную церковь. В Европе это были соборы Греческой православной церкви. Переписывались с родными, получая письма через российских агентов, в обязанности которых входило следить за навигаторами. Из воспоминаний И. И. Неплюева видно, что дворяне читали местную прессу и старались следить за новостями, касающимися Российского государства. Например, в своих воспоминаниях И. И. Неплюев особо отметил прочитанное российскими дворянами сообщение итальянской газеты о передвижениях по Италии царевича Алексея Петровича [8, с. 393].

Обращает на себя внимание тот факт, что российские дворяне предпочитали общаться за границей с людьми, близкими по вере, чаще всего это были этнические греки. Например, Б. И. Куракин в своей автобиографии пишет, что по приезде в Венецию он сильно заболел и лечился у доктора грека по национальности, проживающего в Италии [3, с. 255]. И. И. Неплюев вспоминает, что, приехав в Корфу, он взял в долг деньги у грека Арсения Квартана [8, с. 391]. Итальянский историк Мария ди Сальво, опираясь на записи дневника Ивана Нарышкина, отмечает, что братья тесно общались с членами семьи Коттони, греками по национальности, получившими дворянство Венецианской республики, и российским консулом в Венеции греком Деметрио Боцисом [14, с. 26]. Это не означает, что российские дворяне не имели никаких контактов с представителями других наций: проживая в другой стране, это было невозможно. При этом прослеживается стремление навигаторов иметь деловые и дружественные контакты с единоверцами.

Опираясь на дневники, путевые заметки и воспоминания российских дворян, обучавшихся в Европе, сложно определить, какое впечатление произвела на них европейская культура. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников в своей статье пишут, что после поездки в Европу П. А. Толстой часто ссылался на опыт своего путешествия и «хвалил Италию», за что неоднократно подвергался наказанию – пил штрафной кубок [9, с. 269]. В 1717 г., возвращаясь из-за границы с царевичем Алексеем Петровичем, П. А. Толстой писал вице-канцлеру П. П. Шафирову: «А когда благоволит Бог мне быть в С.-Петербурке, уже безопасно буду хвалить Италию и штрафу за то пить не буду» [19, с. 409]. Как видно из высказывания самого П. А. Толстого, итальянская культура была оценена им высоко.

Другие навигаторы были более сдержаны. Б. И. Куракин в своей автобиографии написал о важной пользе, извлеченной из его образовательной поездки – освоение итальянского языка [3, с. 255]. Для него пребывание в Европе имело практическое значение – получение образования, которое впоследствии он сможет применить на государственной службе в России. По этой причине Б. И. Куракин подробно перечислил в своей автобиографии изученные им за границей учебные дисциплины. Через несколько лет, в 1708 г., когда Б. И. Куракин жил в Европе в качестве российского дипломата, он писал из Гамбурга к стольнику А. Ф. Лопухину: «Ей, не рад житью здесь и с радостью готов возвратиться в патрию (родина, отечество. – М. Н.)» [4, с. 233]. Как можно увидеть, жизнь на чужбине для Б. И. Куракина не являлась преимуществом, и он стремился вернуться на родину.

Описывая свое пребывание в Морской академии в испанском городе Кадис, И. И. Неплюев вспоминает, что группа навигаторов была недовольна своим положением в академии, так как жалования на питание им не хватало, испанского языка никто не знал, и по этой причине обучение в академии было для них бесполезным, а «шпажное и танцевальное учение», которое им преподавали, по мнению молодых дворян, никакой пользы отечеству принести не могло. Российские дворяне неоднократно писали в Санкт-Петербург письма к разным должностным лицам с просьбой разрешить им вернуться в свое отечество и служить его величеству [8, с. 409]. Как можно заметить, для Б. И. Куракина, И. И. Неплюева и его товарищей Европа была источником знаний, которые они в дальнейшем смогут применить на службе своему отечеству.

Опираясь на рассмотренные выше дневники и воспоминания петровских навигаторов, можно сделать вывод, что, несмотря на вынужденный для большинства российских дворян характер образовательной поездки в Европу, западноевропейская жизнь вызвала у них живой интерес. Посвящая основное время пребывания за границей учебе и практике, российские дворяне не упускали возможности посетить европейские города и достопримечательности, поближе познакомиться с европейской архитектурой и искусством, что не согласуется с суждением ряда российских историков о том, что российские дворяне обладали природной любопытностью и сторонились западноевропейской культуры.

Отсутствие в дневниках и воспоминаниях навигаторов личных суждений относительно своего пребывания за границей является не показателем безразличного отношения российских дворян к европейской культуре, а отражает языковую норму письменного выражения информации в петровскую эпоху.

В рассматриваемых в статье дневниках и воспоминаниях петровских навигаторов не прослеживается превознесение русской культуры или преклонение перед западной культурой. Отдавая должное западноевропейским достижениям, российские дворяне видели в Европе источник специализированных и научных знаний, которые в дальнейшем они смогут применить на службе своему отечеству.

Список литературы

1. Дневник путешествия по Европе Ивана и Александра Львовичей Нарышкиных // РГБ. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева). № 517. Кн. 1–3.
2. Кротов П. А. Русская дворянка петровской эпохи: письма Авдотьи Мордвиновой сыну гардемарину во Францию (1717–1722) // Меншиковские чтения, 2010 : научный альманах, XVIII век. 2010. Вып. 1 (8). С. 103–117.
3. Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. С. 241–287.
4. Куракин Б. И. Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. 1705–1708 // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. С. 101–240.
5. Материалы для истории русского флота. Ч. III. Балтийский флот. 1702–1725. СПб. : Тип. Морского мин-ва, 1866. 726 с.
6. Мординов С. И. Записки адмирала Семена Ивановича Мординова, писанные собственною его рукою. СПб. : Тип. Морского мин-ва, 1868. 78 с.
7. Мординов С. И. Родословие фамилии адмирала Мординова // Архив графов Мординовых. Т. 2 / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1901. С. 8–55.
8. Неплюев И. И. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–448.
9. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699. М. : Наука, 1992. С. 251–291.
10. Ошанина Е. Н. Дневник русского путешественника // Советский архив. 1975. № 1. С. 105–108.
11. Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Соратники Петра. М. : Молодая гвардия, 2001. 492 с. (ЖЗЛ).
12. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб. : Тип. товарищества Общественная польза, 1862. 596 с.
13. Прокофьев Н. И. О традициях и новаторстве путевых записок Петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л. : Наука, 1974. С. 129–138.
14. Сальво ди М. Юный россиянин за границей: дневник И. Нарышкина / пер. С. И. Николаева // XVIII век. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). Сб. 21. СПб. : Наука, 1999. С. 22–32.
15. Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII в. СПб. : Энергия, 1914. 134 с.
16. Сосновцева О. В. Источники личного происхождения Петровской эпохи // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2007. Вып. 1. С. 3–10.
17. Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 / подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М. : Наука, 1992. 382 с.
18. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и азовские походы. СПб., 1858. 582 с.
19. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. 628 с.

Peter's navigators in Western Europe: description of an educational trip in the diaries and memoirs of Russian nobles

M. M. Nizhinskaya

postgraduate student of the University-wide Department of General and Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. Russia, Moscow. E-mail: Nijinka@mail.ru

Abstract. The article is devoted to educational trips of Russian nobles to the countries of Western Europe during the reign of Peter I. In order to implement Peter's reforms, which affected all spheres of public life of the Russian state, a large number of specialists in various fields of knowledge were required. One of the solutions to the personnel shortage was sending Russian citizens to Western European countries to obtain the necessary knowledge and skills.

The Russian government sent representatives of different classes abroad to study. Within the framework of this article, attention is paid to Russian noblemen who received education in the field of naval art in Europe. In official and private documents of the Petrine era, nobles sent to Europe to study marine sciences were called "navigators". Based on the preserved travel notes, diaries and memoirs of Peter's navigators, the article examines how Russian nobles assessed their stay abroad, what impression Western Europe made on them, what aroused their interest, what they remembered from what they saw, which European cities they visited and with whom they preferred to communicate. Attention is paid to the financial difficulties faced by the nobles. The absence of personal judgments in the historical sources used and their descriptive nature are noted. The summary says that, despite the forced nature of an educational trip to Europe for most Russian nobles, Western European life aroused their keen interest, the desire to see more cities, get acquainted with European architecture and art. The main purpose of their trip was considered by the Russian nobles to obtain specialized knowledge that could later be applied in the service of the fatherland.

Keywords: European culture, study abroad, Peter the Great era, travel around Europe.

References

1. *Dnevnik puteshestviya po Evrope Ivana i Aleksandra L'vovichej Naryshkinyh* – Diary of a journey through Europe by Ivan and Alexander Lvovich Naryshkin // RGB. F. 256 (collected by N. P. Rummyantsev). No. 517. Books 1–3.
2. *Krotov P. A. Russkaya dvoryanka petrovskoj epohi: pis'ma Avdot'i Mordvinovoj synu gardemarinu vo Franciyu (1717–1722)* [The Russian noblewoman of the Petrine era: letters of Avdotya Mordvinova to the son of a midshipman in France (1717–1722)] // *Menshikovskie chteniya, 2010 : nauchnyj al'manah, XVIII vek* – Menshikov readings, 2010 : scientific almanac, XVIII century. 2010. Is. 1 (8). Pp. 103–117.
3. *Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina, im samim opisannaya* [The life of Prince Boris Ivanovich Kurakin, described by himself] // *Arhiv knyazya F. A. Kurakina* – Archive of Prince F. A. Kurakin. Book 1. SPb. V. S. Balashev Typography. 1890. Pp. 241–287.
4. *Kurakin B. I. Dnevnik i putevye zametki knyazya B. I. Kurakina. 1705–1708* [Diary and travel notes of Prince B. I. Kurakin. 1705–1708] // *Arhiv knyazya F. A. Kurakina* – Archive of Prince F. A. Kurakin. Book 1. SPb. V. S. Balashev Typography. 1890. Pp. 101–240.
5. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. III. Baltijskij flot. 1702–1725* – Materials for the history of the Russian Fleet. Part III. The Baltic Fleet. 1702–1725. SPb. Typ. of Marine ministry. 1866. 726 p.
6. *Mordvinov S. I. Zapiski admirala Semena Ivanovicha Mordvinova, pisannye sobstvennoyu ego rukoyu* [Notes of Admiral Semyon Ivanovich Mordvinov, written by his own hand]. SPb. Typ. of Marine ministry. 1868. 78 p.
7. *Mordvinov S. I. Rodoslovie familii admirala Mordvinova* [Genealogy of the surname of Admiral Mordvinov] // *Arhiv grafov Mordvinovyh. T. 2* – Archive of Counts Mordvinov. Vol. 2 / preface and note by V. A. Bilbasov. SPb. I. N. Skorokhodov's Printing house. 1901. Pp. 8–55.
8. *Neplyuev I. I. Zapiski* [Notes] // *Imperiya posle Petra. 1725–1765* – Empire after Peter. 1725–1765. M. Sergey Dubov Foundation. 1998. Pp. 385–448.
9. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. "Umnejshaya golova v Rossii..."* ["The smartest head in Russia ..."] // *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope: 1697–1699* – Associate P. A. Tolstoy's journey through Europe: 1697–1699. M. Nauka (Science). 1992. Pp. 251–291.
10. *Oshanina E. N. Dnevnik russkogo puteshestvennika* [Diary of a Russian traveler] // *Sovetskij arhiv* – Soviet Archive. 1975. No. 1. Pp. 105–108.
11. *Pavlenko N. I., Drozdova O. Yu., Kolkina I. N. Soratniki Petra* [Peter's associates]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2001. 492 p. (ZhZL).
12. *Pekarskij P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. I. Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya* [Science and literature in Russia under Peter the Great. T. I. Introduction to the history of enlightenment in Russia of the XVIII century]. SPb. Typ. of comradeship "Obshestvennaya pol'za" (Public benefit). 1862. 596 p.
13. *Prokofev N. I. O traditsiyah i novatorstve putevyh zapisok Petrovskogo vremeni* [On the traditions and innovation of travel notes of Peter's time] // *XVIII vek* – XVIII century. Sat. 9. L. Nauka (Science). 1974. Pp. 129–138.
14. *Sal'vo di M. Yunyj rossiyan za granicej: dnevnik I. Naryshkina* [Young Russians abroad: I. Naryshkin's diary] / transl. by S. I. Nikolaev // *XVIII vek. Pamyati Pavla Naumovicha Berkova (1896–1969)* – XVIII century. In memory of Pavel Naumovich Berkov (1896–1969). Coll. 21. SPb. Nauka (Science). 1999. Pp. 22–32.
15. *Sivkov K. V. Puteshestviya russkih lyudej za granicu v XVIII v.* [Travels of Russian people abroad in the XVIII century]. SPb. Energy. 1914. 134 p.
16. *Sosnovceva O. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya Petrovskoj epohi* [Sources of personal origin of the Petrine epoch] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. Series: History. International relations. 2007. Is. 1. Pp. 3–10.
17. *Tolstoj P. A. Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [Tolstoy's journey through Europe. 1697–1699] / prep. by L. A. Olshhevskaya, S. N. Travnikov. M. Nauka (Science). 1992. 382 p.
18. *Ustryalov N. G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. T. 2. Poteshnye i azovskie pohody* [The history of the reign of Peter the Great. Vol. 2. Funny and Azov campaigns]. SPb. 1858. 582 p.
19. *Ustryalov N. G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Carevich Aleksej Petrovich* [History of the reign of Peter the Great. Vol. 6. Tsarevich Alexei Petrovich]. SPb. 1859. 628 p.